

Посвящается Райенне

В этой озаренной ярким пламенем свечи комнате хранятся жизнеизмерители. Стеллаж за стеллажом тянутся приземистые песочные часы — по одному стеклянному сосуду на каждого живого человека. Они работают непрерывно, не требуя завода, все льют и льют свой мелкий песок из будущего в прошлое. Каждая падающая песчинка добавляет неприметный шелковый звук в общий свист, отчего кажется, что помещение полнится звуком морского прилива.

А вот и обладатель этой необычной комнаты, он медленно и величаво шествует вдоль стеллажей. Вид у него озабоченный. Его зовут Смерть.

Не просто смерть как некое общее, абстрактное понятие. Сфера деятельности данного должностного лица, говоря по правде, вовсе даже не сфера, а скорее плоскость. Так вот, плоскость его деятельности включает в себя Плоский мир. Этот мир, как следует из названия, совершенно плоский и покоится (точнее, едет верхом) на спинах четырех огромных слонов. Слоны стоят на панцире гигантской звездной черепахи по имени Великий А'Туин. Диск обрамлен водопадом, пенистые каскады которого бесконечной лавиной обрушиваются в космос.

Ученые подсчитали, что шансы реального существования столь откровенно абсурдного мира равняются одному на миллион.

Однако волшебники подсчитали, что шанс «один на миллион» выпадает в девяти случаях из десяти.

Смерть с холодным постукиванием передвигается по выложенному черной и белой плиткой полу. Его костяные пальцы перебирают ряды занятых своей работой песочных часов. При этом он бормочет что-то, но бормотание заглушается плотными складками одеяния и капюшона.

В конце концов он, по-видимому, находит, что искал. Смерть осторожно снимает прибор с полки и подносит к ближайшей свече. Он держит часы таким образом, что свет блестит и играет на пузатых стенках. Он пристально смотрит на маленькую сияющую точку.

Неподвижный взгляд глазниц, в глубинах которых мерцает дымный голубоватый свет звездных туманностей, обволакивает всемирную черепаху, которая плывет сквозь пространство, мерно гребя гигантскими ластами. Ее панцирь изуродован рубцами от врезавшихся в него комет и испещрен

ямами от метеоритов. Смерть знает: настанет день, когда даже Великому А'Туину придется умереть. Ну и работенка предстоит тогда, нечего сказать!

Но сейчас Смерть погружается в сине-зеленое великолепие самого Диска, совершающего медлительные повороты под крохотным, вращающимся вокруг него по орбите солнцем. Взгляд Смерти перемещается в направлении гигантской горной гряды, называемой Овцепикскими горами. Эти горы полны укромных долин, неожиданно вздымающихся утесов и проч., и проч. Вообще на квадратный метр здесь приходится такое количество разнообразных географических явлений, что сами Овцепики не знают, что с ними делать. Здесь царит своя, присущая именно Овцепикам погода, которая характеризуется остервенелыми ветрами и перманентными грозами. А когда идет не менее перманентный дождь, то создается впечатление, будто кто-то на небе в припадке злости обрушивает на землю целые тучи шрапнели. Некоторые утверждают: все это потому, что в Овцепиках нашла себе пристанище древняя неприрученная магия. Но вы сами знаете, чего стоит эта людская болтовня.

Смерть мигает, прищуриваясь, и вглядывается в поросшие густой травой склоны.

Вот он смотрит на конкретный склон.

На конкретное поле.

На конкретного бегущего по полю мальчика.

Смерть наблюдает.

А затем голосом, подобным удару каменной плиты о гранит, произносит:
— Да.

В почве этой холмистой, обрывистой местности присутствовало нечто магическое. Об этом явно свидетельствовал странный оттенок, присущий произрастающим здесь растениям. Именно поэтому местность называли Краем Октариновой Травы. Другим свидетельством «намагниченности» почвы служил тот факт, что это был один из немногих районов Плоского мира, где произрастают особые виды растений, приносящие обратнoлетний урожай.

Плодоносящие обратным образом злаки растут во времени задом наперед. Вы сеете семена в этом году, а они прорастают в прошлом.

Семейство Мора специализировалось на перегонке вин из обратнoлетнего винограда. Эти вина, обладающие необыкновенной силой, пользовались большой популярностью у предсказателей, поскольку давали возможность увидеть будущее. Единственная неувязочка заключалась в том, что похмелье наступало утром накануне. Чтобы преодолеть его, ничего не оставалось, кроме как надраться в доску.

Люди, занимающиеся выращиванием обратнoлетних растений, отличаются солидным сложением и серьезным нравом. Значительную часть своего времени они уделяют философским размышлениям о жизни и внимательному изучению календаря. Крестьянин, по забывчивости не посеявший обычное семя, всего лишь лишается урожая. Однако человек, не посеявший семена урожая, собранного двенадцать месяцев назад, рискует

повредить саму ткань причинности, не говоря уже о том, что провинившегося всю жизнь будет терзать раскаяние.

В равной степени неловко чувствовала себя и семья Мора, поскольку младший сын относился к наследственному ремеслу крайне несерьезно, а степень его таланта к выращиванию садовых культур была примерно такой же, как у морской звезды. Не то чтобы от него вовсе не было никакого толку — просто его стремление помогать смутно отдавало жизнерадостной готовностью бодрого недоумка, из кожи вон лезущего, лишь бы помочь «взрослым дядям». В результате серьезные мужчины научились бояться его помощи как огня. Казалось, он является источником какой-то заразы, возможно даже смертельной. Мор был высок, рыжеволос и весь обляпан веснушками. В дополнение к этим особенностям своим телом он управлял лишь чисто условно. Да и как можно управлять штуковиной, состоящей из одних колен?

В данный конкретный день эта «штуковина» во весь опор неслась по полю, размахивая руками и вопя во всю глотку. Отец и дядя Мора наблюдали сию неутешительную картину, стоя на высокой каменной стене.

— Что не укладывается в голове, — произнес отец (которого звали Лезек), — так это то, что птицы даже не улетают. Я бы непременно улетел, если б увидел, что в моем направлении движется такой ужас.

— Эх... Удивительная вещь — человеческое тело. Ноги у него заплетаются, и при всем при том он умудряется набрать порядочные обороты.

Мор достиг границы вспаханной части поля. Обожравшийся до полной невозможности передвигаться голубь, кренясь, лениво уступил ему дорогу.

— Знаешь, с сердцем-то у него все в порядке, — тщательно подбирая слова, произнес Лезек.

— Ага. Неполладки со всем остальным.

— Он очень аккуратен. Всегда убирается в доме. Ест не много, — добавил Лезек.

— Да что там, я и сам это вижу.

Лезек скользнул взглядом в сторону брата, который не отрываясь смотрел на небо.

— Слышал, у тебя на ферме освободилось местечко, Хамеш, — сказал Лезек.

— Ага. Так я уже взял подмастерье, разве ты не знаешь?

— А-а-а, — разочарованно протянул Лезек. — И когда?

— Вчера. — Ложь Хамеша была молниеносна, словно гремучая змея. — Все договорено и подписано. Так что извини. Послушай, я ничего не имею против юного Мора. Хороший паренек, такие нечасто встречаются. Дело лишь в том, что...

— Знаю, знаю, — махнул рукой Лезек, — просто у него не только руки, но и все остальное растет из задницы.

Оба усталились на виднеющуюся в отдалении фигуру. Фигура упала. Несколько голубей вперевалку подошли к ней с целью выяснения подробностей.

— Знаешь, он ведь не дурак, — нарушил молчание Хамеш. — Ну, то есть дураком его не назовешь.

— Мозги у него на месте, — подтвердил Лезек. — Правда, иногда он начинает думать так усердно, что приходится колотить его по голове. Только это и помогает. Глядишь — уже очнулся, смотрит на тебя и даже видит что-то. Бабушка, на беду, научила его читать. Я так считаю, мозги его от этого малость перегреваются.

Мор наконец поднялся на ноги и принялся отряхиваться.

— Тебе нужно пристроить его к какому-нибудь ремеслу, — задумчиво произнес Хамеш. — Он может стать жрецом, например. Или волшебником. Они много читают, волшебники эти...

Братья переглянулись. Обоих охватило одинаково недоброе предчувствие при мысли о том, что может наворочать Мор, попади в его жаждущие добрых дел руки магическая книга.

— Ладно, оставим, — поспешно заявил Хамеш. — Можно придумать что-нибудь другое. На свете столько всего, к чему Мор может приложить свои таланты.

— Он слишком часто думает, в этом вся беда, — отозвался Лезек. — Вот сейчас, посмотри на него. Никто не размышляет о том, как пугать птиц. Их просто пугают. Я имею в виду, нормальные мальчишки.

Хамеш задумчиво поскреб подбородок.

— Ты можешь переложить эту проблему на другие плечи, — наконец произнес он.

Выражение лица Лезека не изменилось, лишь морщинки вокруг глаз приняли какой-то новый изгиб.

— Это ты о чем? — спросил он.

— На будущей неделе в Овцекряжье состоится ярмарка по найму работников. Отдашь его в подмастерья, и вся недолга. Пускай новый хозяин выбивает дурь из его башки. Это закон такой. Отдаешь его в ученики, заключаешь контракт, и хозяину уже никуда не деться.

Лезек посмотрел вдаль, на своего сына, погрузившегося в изучение какого-то булыжника.

— Я бы не хотел, чтобы с ним случилось что-то плохое, — с сомнением в голосе пробормотал он. — Мы здорово любим его, мать и я. Привыкаешь как-то к людям...

— Но это ведь ради его же собственного блага. Сделай из него мужчину.

— Ага. Да уж. Необработанного сырья тут хоть отбавляй, — вздохнул Лезек.

Камень попался страшно интересный. К его поверхности приросли изогнутые ракушки, реликтовые останки первых дней мира, когда Создатель по никому не ведомой причине занимался творением существ из камня.

Мора много что интересовало. Почему, например, зубы у людей так точно подогнаны один к другому? Над этой задачей он размышлял долго и упорно. И вот еще головоломка: почему солнце светит днем, а не ночью, когда свет совсем не помешал бы? Он знал стандартное объяснение, но оно его не удовлетворяло.

Короче говоря, Мор относился к категории людей более опасных, чем мешок, набитый гремучими змеями. Он был полон решимости докопаться до логической основы вселенной.

План при всей своей похвальности вряд ли осуществимый, поскольку логикой здесь и не пахло. Собирая мир, Создатель выдал на-гора массу выдающихся и в высшей степени оригинальных идей. Однако сделать мир понимаемым в его задачу не входило.

Трагические герои вечно стенают, когда боги проявляют к ним интерес. Однако круче всех приходится как раз тем, кого боги игнорируют.

Отец, как обычно, принялся драть глотку. Мор бросил камнем в голубя. Обожравшаяся птица решила было не реагировать, однако в конце концов все-таки убралась с пути Мора. Паренек уныло побрел к дому.

Вот так и случилось, что вскоре, в канун Ночи Всех Пустых, то бишь свячельника, погрузив скудные пожитки сына на ослика, отец повел Мора в Овцекряжье. Размеры городка в основном ограничивались размерами центральной, выложенной булыжником площади, по периметру которой выстроились мастерские, обеспечивавшие окрестные фермерские хозяйства всем необходимым.

Не прошло и пяти минут, как Мор вышел из мастерской портного уже в обновке. Обновка представляла собой болтающееся одеяние коричневого цвета и неопределенного предназначения. Очевидно, предыдущий обладатель, надев новое платье, скинул старое и прямо в мастерской его и оставил, испытывая облегчение и радость — чувства в данном случае более чем понятные. По-видимому, главной целью приобретения было не лишить Мора возможности вырасти именно в этой одежде. Причем явно исходили от предпосылки, что вырасти ему предстоит в девятнадцатинногого слона. Отец окинул сына критическим взглядом.

— Очень прилично, — хмыкнул он, — тем более за такие деньги.

— У меня все чешется, — ответил Мор. — И, кажется, кроме меня, там есть кто-то еще.

— Тысячи мальчишек в этом мире были бы очень благодарны за такую красивую, теплую... — Лезек сделал паузу и сдался: — Короче, за одежду вроде этой, сынок.

— А не мог бы я поделиться ею с ними? — с надеждой в голосе спросил Мор.

— Тебе надо выглядеть умным, — строго произнес Лезек. — Ты должен производить впечатление, выделяться из толпы.

Тут цель была достигнута на все сто. Что-то, а уж выделяться он будет. Отец и сын стали пробираться сквозь запрудившую площадь толпу народа. Каждый был погружен в собственные размышления. Раньше Мор с удовольствием посещал городишко. Ему нравилась царящая здесь космополитическая атмосфера, приятно было вслушиваться в странные диалекты жителей деревень, находящихся на расстоянии целых пяти, а то и всех десяти миль. Но на сей раз его точило неприятное, тревожное предчувствие — словно он вот-вот вспомнит то, что еще не случилось.

Ярмарка проходила примерно следующим образом: люди, ищущие работу, ломаными линиями выстроились посреди площади. Многие из них прикрепили к шляпам маленькие символы, показывающие миру, в какого рода работе они знают толк. Пастухи носили клочки овечьей шерсти, возчики засовывали за тулью пряжку лошадиной гривы, мастера по внутренней отделке помещений — полоску затейливых гессийских обоев, и так далее, и тому подобное. Мальчики, желающие поступить в подмастерья, кучкой робких овец толпились в самой середине людского водоворота.

— Ты просто идешь и становишься туда. А потом кто-нибудь подходит и предлагает взять тебя в ученики, — произнес Лезек голосом, из которого не сумел изгнать нотки некоторой неуверенности. — Если ему понравится твой вид, конечно.

— А как это делается? — спросил Мор. — То есть неужели по виду человека можно сразу определить, подходит он тебе в подмастерья или нет?

— Ну... — Лезек сделал паузу.

По поводу этой части программы Хамеш не дал ему объяснений. Пришлось поднапрячься и поскрести по сусекам внутреннего склада знаний в области рынка. К сожалению, склад содержал очень ограниченную и сугубо специфическую информацию о продаже скота оптом и в розницу. Осознавая недостаточность и неполную, скажем так, уместность этих сведений, но не имея в своем распоряжении ничего другого, Лезек наконец решил:

— Наверное, тебе считают зубы и все такое. Удостоверяются, что ты не хрипишь и что с ногами у тебя все в порядке. На твоём месте я не стал бы упоминать о любви к чтению. Это настораживает.

— А что потом? — спросил Мор.

— Потом ты отправляешься с этим человеком и учишься какому-нибудь ремеслу.

— Какому именно?

— Ну... плотник, например, хорошая профессия, — осмелился высказать свою тайную мечту Лезек. — Воровство тоже неплохо. Кому-то ведь надо этим заниматься.

Мор уставился себе под ноги. Он был хорошим сыном и всегда стремился выполнять сыновние обязанности — когда вспоминал о таковых. И если для этого требовалось стать подмастерьем, то он был исполнен решимости стать хорошим подмастерьем. Однако плотницкое ремесло не слишком манило его. Дело в том, что дерево обладает собственной независимой и упорной жизнью и склонно давать трещины. Что же касается официальных воров, то в Овцепикских горах они были редкостью. Местные жители были недостаточно богаты, чтобы позволить себе подобную роскошь.

— Ну хорошо, — наконец произнес он. — Я пойду и попробую. Но что будет, если меня никто не возьмет в подмастерья?

— Не знаю, — поскреб в затылке Лезек. — Я считаю, тебе просто надо подождать до самого конца ярмарки. То есть до полуночи. Я так думаю.

Приближалась полночь.

Бульжники начали покрываться тонкой глазурью изморози, которая, когда на нее наступали, издавала скрип. На главном украшении площади – высокой часовой башне – произошло движение. На циферблате, с двух его сторон, с жужжанием распахнулись дверцы, и пара искусно вырезанных из дерева автоматических человечков молоточками отбила очередную четверть часа.

Пятнадцать минут до полуночи. Мор вздрогнул и зябко поежился. Но стыд и врожденная настырность полыхали в его душе таким раскаленным пламенем, что склоны преисподней показались бы прохладной долиной по сравнению с горизонтами его души, по которым плясали алые языки вышеупомянутых переживаний. Чтобы чем-то занять себя, Мор принялся дуть на пальцы. Затем уставился на замерзающее небо, стараясь не встречаться взглядом с теми немногими людьми, которые еще бродили по опустевшей площади.

Большинство торговцев, занимающих прилавки, уже собрали товар и ушли. Даже продавец пирогов с мясом перестал выкрикивать свое «с пылу с жару» и, позабыв о личной безопасности, с аппетитом уплетал собственное изделие.

Последний из товарищей Мора по надеждам исчез несколько часов назад. Это был сутулый юноша с бессмысленным взглядом. В довершение картины у него беспрерывно текло из носа. Этими своими особенностями он привлек лицензированного нищего попрошайку Овцекряжя. Захлебываясь от восторга, тот заявил, что юноша просто-таки чистое золото, идеальный материал для профессии. Парень, стоявший по другую сторону от Мора, ушел еще раньше. Ему предстояло стать мастером по изготовлению игрушек. Один за одним они расходились – каменщики, кузнецы, убийцы, ткачи, медники, мошенники и пахари. Через несколько минут начнется новый год и новая жизнь для доброй сотни ребят. Исполненные надежд, они сделают первый шаг в своей карьере, перед ними распахнется широкая дорога достойной жизни и полезного служения людям.

Чувствуя себя жалким и подавленным, Мор терялся в догадках, почему же не выбрали его. Он из кожи вон лез, чтобы выглядеть респектабельным. Каждому из потенциальных будущих хозяев он смотрел исключительно в глаза и подкупающим взглядом. Таким образом он надеялся создать впечатление молодого человека, обладающего чрезвычайно, просто редкостно положительными качествами и замечательным характером. Однако все его усилия были тщетны.

– Хочешь горячего пирога с мясом? – спросил отец.

– Нет.

– Он их дешево продает.

– Нет. Спасибо.

– О-ох.

Лезек поколебался.

– Я могу узнать у продавца, может, ему нужен подмастерье, – стараясь поддержать сына, произнес он. – Очень надежное ремесло – поставщик провизии.

— Вряд ли ему кто-то нужен.

— Ты прав, наверное, не нужен, — согласился Лезек. — Бизнес вроде как для одного человека, я так думаю. К тому же он все равно уже ушел. Знаешь что, я оставлю тебе кусочек.

— Я и вправду не проголодался, пап.

— Тут небось и хрящика ни одного нет, все чистое мясо.

— Не хочу. Но все равно спасибо.

— О-ох, — Лезек чуть-чуть сник.

Он принялся пританцовывать, чтобы вбить в замерзающие ноги немало жизни, затем просвистел несколько лишенных мелодии тактов. Он испытывал чувство, что должен что-то сказать, вернее, изречь — нечто вроде мудрой тирады или житейского совета. Напомнить, что в жизни есть темные и светлые полосы, положить руку на плечо сына и пространно заговорить о проблемах взросления — короче говоря, показать, что мир — это забавное местечко, в котором человеку, метафорически выражаясь, не следует проявлять излишнюю гордость и отказываться от предложенного ему горячего пирога с мясом.

На площади, кроме них, никого не осталось. Мороз, последний в этом году, все крепче и крепче сжимал своей хваткой бульжники.

Высоко на башне спрятанное за циферблатом зубчатое колесо повернулось, издав звонкое «клонк!», зацепило зубцом рычаг, освободило храповик и позволило упасть тяжелому свинцовому грузу. С жутким металлическим хрипом дверцы на циферблате раздвинулись, и глазам зрителей предстали скромные труженики часов. Дергающимися движениями, словно страдая от острого приступа болезни под названием «артрит роботов», они заколотили молоточками, звоном провозглашая новый день.

— Такие-то дела... — голосом, в котором забрезжила надежда на ночной сон, протянул Лезек.

Им предстояло найти местечко для ночевки. Ночь Всех Пустых не самое подходящее время для прогулок по горам. Может, удастся заночевать в каком-нибудь хлеву...

— Еще не полночь. Полночь наступает с последним ударом, — сдержанно произнес Мор.

Лезек пожал плечами. Сила упорства Мора положила его на обе лопатки.

— Хорошо, — ответил он. — Тогда давай подождем.

И тут они услышали стук копыт. Звуки прокатывались по морозной площади, и были они несколько громковаты, гораздо громче, чем допускают естественные акустические законы. Мор чуть не заткнул уши — повсюду над его головой гремело, скрежетало и дребезжало. Назвать этот звук скромным перестуком копыт было бы поразительной неточностью, ведь перестук предполагает довольно милого, забавного и веселого пони в соломенной шляпе с прорезями для ушей. Характер этого звука явно показывал, что в данном случае о соломенной шляпе даже речи идти не может.

Лошадь вступила на площадь с пупсторонней дороги. Пар, клубясь, валил от огромных влажных белых боков. Копыта выбивали из бульжника

искры. Лошадь шла горделивой рысью, словно в атаку на противника. Нет, она определенно не носила соломенной шляпы.

Верхом на лошади сидел высокий человек. Защищаясь от холода, он целиком запахнул в свое одеяние, и его громадная фигура производила грозное впечатление. Когда лошадь достигла центра площади, всадник не торопясь спешился. Затем принялся возиться с чем-то притороченным к седлу. В конце концов он (или она) вытащил торбу, закрепил ее за ушами у лошади и ласково похлопал животное по шее.

Воздух приобрел плотность и жирную глицериновую вязкость. Глубокие тени, окружавшие Мора, окаймились голубыми и сиреневыми радужками. Всадник широкими шагами двигался в сторону молодого человека, его черное одеяние вздымалось, а каблуки, касаясь булыжников, издавали легкие щелчки. Эти щелчки были единственными оставшимися в живых звуками — тишина сомкнулась над площадью, словно сверху упал гигантский ком плотной ваты.

Впечатление подпортилось не вовремя подвернувшимся скользким участком заледенелого булыжника.

— У, ПРОКЛЯТЬЕ.

С голосом, произнесшим эту фразу, было что-то не так. Нет, со словами все было в порядке. Но они попали в голову Мора, не взяв на себя труд пройти предварительно через уши.

Юноша ринулся вперед, чтобы помочь упавшему подняться, и обнаружил, что хватается за... руку ли? Это была гладкая, глянцевая кость, слегка желтоватая, подобно старому бильярдному шару. Капюшон откинулся с головы своего владельца. На Мора направлял пустые глазницы голый череп.

Пустые, да не совсем. В самой их глубине, словно в окнах, открытых в бездонные космические бездны, подрагивали две крохотные голубые звездочки.

Мору пришла в голову мысль, что ему полагается испытывать ужас. Так что он был даже слегка шокирован, обнаружив, что ничего подобного не испытывает. Перед ним на булыжниках сидел не кто иной, как скелет. Он потирал ушибленные колени и недовольно ворчал. Но скелет был живой. Он производил занятное впечатление, но по некой странной и неведомой причине впечатление это было не очень-то пугающим.

— СПАСИБО, МАЛЬЧИК, — донеслось из черепа. — КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?

— Э-э... — не сразу нашелся Мор. — Мортимер... господин. Но все называют меня Мор.

— КАКОЕ СОВПАДЕНИЕ, — произнес череп. — ПОМОГИ МНЕ ВСТАТЬ, ПОЖАЛУЙСТА.

Он неуверенно поднялся на ноги и принялся отряхиваться. Теперь Мор разглядел, что его талию опоясывает широкий пояс, с которого свисает меч с белой рукоятью.

— Надеюсь, ты не ушибся, — вежливо произнес Мор.

Череп в ответ оскалился в широкой ухмылке. Конечно, подумал Мор, ассортимент выражений лица у него таков, что выбирать особо не приходится.